

Диана Рейдо

СВИДАНИЕ ЗА ДОЛЛАР

Диана Рейдо
Свидание за доллар

«Автор»

2010

Рейдо Д.

Свидание за доллар / Д. Рейдо — «Автор», 2010

Утро удачливого бизнесмена Роджера Мерри портит случайная встреча: он видит в кафе свою бывшую любовницу Перл, и это выбивает его из колеи. Жаль, что он не может поквитаться с ней! Разве что сыграть безобидную, но неприятную шутку? Дать доллар вон тому бездельнику, который торчит возле балюстрады, и пусть сначала приударит за Перл, а потом выставит её на посмешище... Постой, парень, ты уверен, что этот бродяга с голодными глазами – именно тот, кем кажется?

© Рейдо Д., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1	5
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Диана Рейдо

Свидание за доллар

Этот мир полон невероятных историй.

1

Роджер

Настроение у Роджера было ни к черту.

Да чего уж там – поганое было у него настроение.

Утро начиналось вполне удачно.

Роджер Мерри проснулся в своем особняке, первым делом просмотрел отчеты, присланные ему по электронной почте, порадовался растущей прибыли, отметил новые возможности для роста бизнеса. Потом он пробежал пару миль на беговой дорожке, принял сначала обжигающий, затем прохладный душ, растерся махровым полотенцем (с неудовольствием отметил, что бока стали потолще... так недолго и до складки, нависающей над ремнем брюк, отъестся...).

Впечатленный увиденным, Роджер пожелал на завтрак овсянку без особых изысков, пару тостов из черного хлеба, свежавыжатый апельсиновый сок. Утро все еще продолжало быть хорошим и добрым.

Роджер выбрал джинсы, поскольку была пятница, и он не хотел особо сковывать себя в офисе рамками дресс-кода, но к джинсам – темно-синий пиджак из дорогой ткани, кажущейся нарочито мягкой. Поиграв галстуками на внутренней стороне дверцы шкафа, он передумал и решил обойтись без традиционной «удавки».

Утреннее солнце уже было ярким, но еще не принялось припекать, а легкий ветерок пытался лохматить лаконичную стрижку Роджера. Улыбаясь, Роджер сел за руль, включил любимую радиостанцию, улыбаясь, прослушал несколько знакомых мелодий, потом в желудке у него заурчало, и он сообразил, что, пожалуй, одной овсянки для энергичного дня будет мало-вато.

Поняв это, Роджер принял решение второй раз позавтракать в одном из приятных сердцу заведений. Его выбор пал на «Поцелуй»... и в этом была роковая ошибка Роджера.

Нет чтобы выбрать более респектабельное... то есть строгое, солидное заведение с традиционным бизнес-ланчем. «Поцелуй», конечно, несмотря на свое фривольное название, славится и отменной кухней, и обходительными официантами, и продуманным интерьером, и при всем при этом не задирает цены.

Но ведь это еще и любимое кафе Перл. Чтоб ее... Чтоб его? Впрочем, кафе в этом явно не виновато.

Про Перл Роджер вспомнил только тогда, когда уже подъехал к «Поцелую», с трудом отыскал местечко для парковки своего «Мерседеса», поднялся на веранду и устроился за ближайшим столиком, не желая добровольно заточить себя в зале кафе в такой прекрасный летний день. Роджер хотел подышать свежим воздухом, от которого вожделенные круассаны с кофе стали бы вдвое вкуснее. А вместо этого, покрутив головой вокруг, он обнаружил за одним из столиков свою бывшую любовницу Перл Пэрриш.

Если бы Роджер прошел в зал, а не остался на веранде, то Перл непременно обнаружила бы его присутствие в кафе. Утро было бы, конечно, испорчено окончательно.

А, может, и нет. Перл выглядела такой сосредоточенной, такой поглощенной содержимым своей кофейной чашечки... Может, все и обошлось бы. Однако Роджер не хотел риско-

вать. Он плотнее надвинул на нос темные очки, которые, как предполагалось, могли сделать его незаметнее. Делая заказ официанту, Роджер постарался говорить тише, дабы не выдать себя раскатами своего звучного, привыкшего к повелительным ноткам голоса.

– Пожалуйста, круассан с сыром, омлет с ветчиной, двойной эспрессо.

– Сию минуту, сэр. – Официант с почтительной миной удалился...

Роджер ещё раз осмотрелся, попытавшись сделать это незаметно. Он сделал вывод, что, наверное, можно не слишком-то волноваться за своё инкогнито. Поля летнего тента, защищающего столик от солнца и ветра, надёжно укрывали лицо Роджера тенью. Не стоило беспокоиться, что Перл его обнаружит.

Официант расторопно нес Роджеру кофе, булочку, омлет. Роджер почувствовал, что, оказывается, от волнения он дьявольски проголодался. Не мешкая, он сделал официанту дополнительный заказ – цыпленка в апельсиновом соусе.

Затем принялся за еду, торопясь, чтобы она не остыла. Омлет исчез почти мгновенно, оставив после себя на тарелке масляные пятна. Роджер обжег язык горячим кофе и некоторое время сидел, отдуваясь, после чего заказал холодный апельсиновый сок.

В результате обильной трапезы Роджер почувствовал, что отяжелел, словно поросенок. Более того, он был не в силах подняться с места. Цель, поставленная Роджером, была достигнута – он основательно подкрепился. Можно было садиться обратно за руль и мчаться в офис, поторапливаться, пока там «все не разговорали», как любил говаривать Роджер, получивший за свой своеобразный язык среди подчиненных и партнеров по бизнесу прозвище «Веселый Роджер».

Но в офис почему-то не уезжалось...

«Разморило, что ли?» – подумал Роджер, скрывая от самого себя мысль, что он готов на многое, лишь бы продлить время нахождения в кафе.

Он заказал еще кофе со льдом, и ему принесли этот кофе, а он поставил перед собой высокий бокал с торчащими из него соломинками, и не пил, и все смотрел перед собой, смотрел вперед...

Он смотрел на Перл, не отрываясь.

В кафе звучала негромкая музыка, легкая, ненавязчивая. Как назло, сейчас играла одна из тех песен, которые больше, чем что бы то ни было, напоминали Роджеру о Перл, о тех «старых добрых» временах, когда они еще встречались.

Стинг задумчиво пел что-то о золотых полях, о прогулках по ним, о воспоминаниях, но над Роджером реяли его собственные воспоминания.

Они были далеко не такими сладкими.

Хотя поначалу...

Поначалу ему казалось, что все идеально.

Перл за своим столиком наконец-то сменила позу.

Она закинула ногу на ногу, оперлась локотком на стол, подперла запястьем подбородок.

В задумчивости Перл поигрывала длинными точеными пальцами с ногтями, покрытыми темно-красным сияющим лаком. Редки, до крайности редки были те дни, в которые Перл могла себе позволить выглядеть не идеально, не безукоризненно... Сегодняшний день был явно не из этих.

Длинные и прямые, черные волосы Перл были расчесаны на косой пробор, доходя почти до талии, и даже на первый взгляд они выглядели шелковистыми. Интересно, кто тот счастливчик, который сейчас с полным правом прикасается своими грубыми ручищами к этим шелковым прядям?..

Стан Перл был окутан полупрозрачной материей с едва заметным блеском, темно-синей, струящейся, почти невесомой. Такое платье как нельзя лучше подчеркивало стройность изящной фигуры молодой женщины. На плечи была наброшена шаль чуть более темного оттенка.

Шелк, казалось, ласкал бледную кожу, ибо лицо Перл выглядело вполне умиротворенным. В ушах при легких движениях головы покачивались длинные бриллиантовые серьги.

Роджер чуть скрипнул зубами от злости.

Эти серьги, эти самые серьги он дарил своей бывшей любовнице на двадцатипятилетие. Кажется, что это все происходило лишь вчера... Да. Как пронеслось время.

Интересно, долго еще Перл собирается сидеть здесь?

Роджер искренне надеялся, что она вскоре соберется и куда-нибудь уйдет. Отправится по своим делам. Ему не хотелось заканчивать трапезу первым, покидать спасительную тень тента, подниматься во весь рост и шествовать к выходу. Так его заметит любой дурак.

И Перл.

Да, Перл.

Роджер надеялся, что она расплатится раньше, чем он начнет непоправимо опаздывать в офис, пройдет мимо, погруженная в свои мысли, не озираясь по сторонам, спустится со ступенек веранды, сядет в свою машину и уедет.

Таким образом, для нее останется неизвестным тот факт, что сегодняшнее утро они провели чуть ли не за совместным завтраком.

Хорошо, что чуть-чуть не считается.

Но, кажется, Перл вовсе никуда не спешила.

Высокий бокал со следами молочной пенки по краям, стоящий перед ней, давно уже опустел. Но Перл не заказывала новый напиток и не допивала оставшийся в бокале глоток. Размышления, в которые она была погружена, казалось, полностью захватили ее.

Роджер нетерпеливо посмотрел на свои наручные часы, инкрустированные полупрозрачными камнями. Часы сообщили ему, что он и так порядком уже засиделся в «Поцелуе». Неплохо было бы оторвать свою задницу от плетеного стула, втиснуть себя за руль «Мерседеса» и незамедлительно отправиться в офис.

Кажется, у него на сегодня было назначено не то три, не то четыре встречи?

А к ним не мешало бы предварительно подготовиться.

Но Роджер словно прирос к своему месту...

– Еще что-нибудь? – словно из-под земли, рядом с ним вырос официант. Его черный галстук-бабочка топорщился в стороны от избытка крахмала.

Роджер отрицательно покачал головой.

– Принести вам счет, сэр?

– Да... Да, но попозже, – вполголоса выдавил из себя Роджер, – и, знаете, принесите мне один зеленый чай.

– Зеленый чай у нас есть с ароматом вишни, лотоса, жасмина...

– Все равно, – нетерпеливо, но все так же вполголоса перебил его Роджер, – абсолютно все равно. Просто зеленый чай.

– Да, хорошо, сэр.

«На кой черт мне нужен этот зеленый чай?..»

Официант принес зеленый чай, сахарницу с кусочками тростникового сахара и щипчиками, а счет, умница такая, придержал.

Роджер для вида едва коснулся чашки с чаем краем губ. Он все еще не мог перестать пялиться на Перл.

Хороша, чертовка, и ведь не передать, как хороша! Почему же она его бросила? Что вдруг взбрело ей в голову? Он так и не смог добиться от нее вразумительного ответа в тот день, когда она собирала вещи и вызывала такси, чтобы как можно скорее покинуть его особняк.

Да кто вообще в здравом уме и твердой памяти способен добровольно покинуть его особняк? А вот Перл смогла, и еще как смогла. Сделала это так же легко и непринужденно, как ведущий форвард на футбольном поле пробивает решающий пенальти. Чтоб ее...

Все предыдущие пассии Веселого Роджера вели себя совсем иначе. О, этих девчонок было не так-то просто выставить за дверь! Вопли, сопли, слезы, мольбы и уговоры.

«Милый, что я сделала не так?»

Роджер и рад был бы самым исчерпывающим образом ответить на этот вопрос, но... на беду его многочисленных подруг, он никогда над этим не задумывался.

Они забрасывали его вопросами и истеричными предложениями.

«А что, если я похудею?»

«Дорогой, давай я сделаю бразильскую эпиляцию? Может, это поможет освежить наши отношения?»

О, какое ему дело до бразильской эпиляции?

«Хочешь, я научусь готовить? Буду делать тебе завтрак вместо твоего повара».

О да, именно о таком счастье он и мечтал всю свою жизнь! Опомнись, детка.

«Если бы мы проводили вместе больше времени... Я чувствую, нам было бы очень хорошо вдвоем! Почему ты не хочешь дать нашим отношениям еще один шанс?»

Отношениям? О боги! У них были отношения? Странно. А он даже и не заметил.

Придавать такое значение нескольким эпизодическим контактам... возводить их в ранг отношений...

Что же, он так сильно смахивает на слабоумного безусого юнца, готового терять голову от вида обнаженных коленок и достаточно коротких для пуританской Америки юбок?..

Обещания пойти учиться, родить ему детей, или, наоборот, навсегда застраховаться от их появления, попытки привязать его мнимой беременностью, угрозы свести счеты с жизнью, телефонные всхлипывания и звонки посередине важного совещания, умоляющие мейлы...

Что он должен был со всем этим делать?

Со всем этим стадом незрелых безмозглых девчонок.

Каждая из них была столь наивна, что всерьез воображала, будто что-то значит для него, для Роджера Мерри, богатого, нешуточно обеспеченного дельца.

Каждая предполагала, что ее сладкая или пикантная внешность сама по себе уже является залогом успеха в предприятии по завоеванию его сердца.

Каждая мечтала занять уголок в его сердце и местечко в его жизни с тем, чтобы благодаря этому получить пожизненное обеспечение.

В идеале – обеспечение, сердце, руку, статус миссис Мерри, неограниченные возможности пользования золотыми и платиновыми кредитными картами.

Что же, он так глуп и недалек, что не в состоянии видеть дальше собственного носа?

Каждой из этих прелестных (или не очень прелестных, но ухоженных) мисс больше всего по душе был не сам Веселый Роджер. Больше всего по душе им приходились возможности кататься с шофером на одной из его машин, покупать любые из понравившихся в магазине туфель, сумок, платьев, браслетов, серег и так далее. Больше всего их прельщали и захватывали шансы спать по утрам допоздна, одеваться и следовать не на службу, а в салон красоты, спа-салон, фитнес-центр, косметический магазин, бутик, ресторан, пока он, Роджер, не скажет, чтобы в поте лица, но, тем не менее, усердно зарабатывает так необходимые этим куколкам зеленые денежные знаки.

Ни одной из бывших пассий Роджера не удалось даже немного приблизиться к заветной цели. Чтобы безболезненно расставаться с самыми назойливыми из них, Роджер прибегал к помощи своего главного оружия – денег. Таким образом, некоторые из тех красоток, которым Роджер давал отставку, все же получали то, что хотели, пусть лишь отчасти. Урывали для себя маленький и сладкий кусочек сытой, непродолжительно счастливой и беззаботной жизни.

В сущности, Роджер на них не обижался. Обижаться было глупо. Его жизнь была раскрашена всеми цветами радуги, расцвечена постоянным и неизменным обществом длинноногих

красоток, которые сменялись рядом с ним со скоростью ярких стеклышек в детском калейдоскопе.

Роджеру не приходилось самому искать себе подруг жизни, ухаживать за ними, завоевывать всевозможными изобретательными и пикантными способами. Ему лишь требовалось в каждый момент времени сделать очередной выбор, остановиться на ком-нибудь из девушек, выходящих вокруг него.

Он получал их внимание и ласки, они (пусть на время) приобщались к статусным атрибутам обеспеченной жизни... Когда же Роджер чувствовал, что новая девочка, суеязящаяся рядом с ним, готовится сделать решительный бросок, он расставался с ней без лишних проволочек и сожалений.

Иногда Роджер ловил себя на не слишком-то приятной мысли. Он, в сущности, редко обнаруживал рядом с собой красавиц своего круга... Почему бы ему не поискать спутницу среди тех, кто больше соответствует его уровню жизни, находясь на более высокой социальной ступеньке? Может, заодно и остепениться получилось бы... Между прочим, с этими молоденькими выскочками столько хлопот! Куда как надежнее иметь под рукой одну постоянную привязанность, полагаться на единственную даму сердца...

Но нужна ли ему эта ответственность?

Тут ведь как... Если встречаться с кем-нибудь из дочек – наследниц деловых партнеров или известных богачей – его запросто могут взять в оборот. Мол, слияние империй, дружба семьями, выгодный союз и прочая, прочая чепуха. А если наследница окажется из легкомысленных бездельниц – сама не стремится к браку, зато не прочь погулять, поразвлечься – это может дурно отразиться на его репутации. Подмочить ее легко, а вот отмывать доброе имя тяжело, так что от папенькиных дочек, ставящих целью своей жизни проматывание родительских капиталов, лучше держаться подальше...

Так, по крайней мере, казалось Роджеру.

И лишь с Перл все было по-другому.

Или ему просто-напросто казалось, что с ней все было иначе?..

С этой темноволосой обладательницей магнетического взгляда глаз оттенка расплавленного шоколада даже повседневные мелочи становились какими-то нетипичными.

Роджер попытался припомнить, где же они познакомились.

Кажется, в очереди в парикмахерскую?..

Стоп, минуточку. А он-то, Роджер, что делал в этой самой очереди?

Он всегда записывался – вернее, его записывала секретарь – к мастеру, который виртуозно стриг Роджера вот уже несколько лет. На дом этот мастер не приезжал, так что Роджер посещал салон сам, впрочем, делал он это даже не без удовольствия.

Да-да, Роджер приехал в парикмахерскую, предварительно, по своему обыкновению, записавшись на мытье головы, массаж, стрижку и укладку. Но вот незадача – его мастер за ланчем умудрился отравиться, и отравиться сильно. Мастеру пришлось эвакуироваться домой. Роджер же, который, явившись в салон, выяснил, что нужный ему человек отсутствует, эвакуироваться и оставаться без запланированной стрижки не желал. Пришлось ждать, пока не освободится другой парикмахер. Ждать в холле, где обычно дожидались своей очереди и мужчины, и женщины...

Она появилась почти незаметно, простучала негромко аккуратными каблуками по кафельной плитке холла, грациозная, словно фея, приземлилась в кресле напротив Роджера.

Качнула волной черных волос, перебрасывая их через плечо на грудь, потянулась за журналом к столику, чуть сверкнув запретно белым в вырезе декольте.

Неожиданно для самого себя Роджер вдруг улыбнулся незнакомке. Она вежливо ответила на улыбку легким подобием доброй усмешки, открыла журнал, перелистнув гляцевую страницу, и углубилась в чтение.

Равнодушие? Или это показная холодность? Что бы это ни было, это лишь подогрело интерес Веселого Роджера.

Сам того от себя не ожидая, он попер ва-банк.

Он поднялся со своего места, присел рядом с молодой женщиной и вновь заговорил с ней:

– Заранее прошу прощения, может быть, я и навязчив слегка, но что такая очаровательная юная леди может усовершенствоваться в своей внешности в этом салоне?..

– Комплимент? – Она медленно подняла на Роджера свои роскошные ресницы, черные, как уголь, шелковистые, как мех шиншиллы. – Спасибо...

– Это не комплимент. Это правда. На какую процедуру вы записаны? В вас же все настолько же совершенно, насколько и прекрасно.

– Снова комплимент.

– Только не говорите мне, что к подобного рода комплиментам вы не привыкли, и вас это смущает.

– Нет. Не скажу ничего подобного. И цель моего визита сюда крайне проста – я пришла остричь волосы.

– Что?! – Роджер на самом деле был шокирован, это несколько извиняло его удивленный возглас. – Но это же безобразие!

– Да? Почему? – незнакомка с любопытством посмотрела на него.

– Вы хоть представляете себе, сколько женщин в мире отдали бы все, что угодно, за возможность обладать такими волосами?

– Если говорить начистоту, то я никогда об этом не задумывалась. А что такое с моими волосами?

– Роскошны. Они восхитительны – длинные, ухоженные, и какой цвет! Если не секрет, что вы собирались с ними сделать?

– Состричь где-то до подбородка, – ответила незнакомка; казалось, ей доставляет удовольствие наблюдать за замешательством и волнением Роджера.

– Возмутительно. Я бы даже сказал, что это варварство – подобным образом поступать с таким природным богатством!

– Ну, это мои волосы, – заметила незнакомка. Еще секунда – и она вновь углубилась бы в журнал...

– Все-таки разрешите узнать, – допытывался Роджер, – а что сподвигло вас на такой кардинальный поступок?

– Желание перемен, – коротко отозвалась она, – стремление к обновлению.

– Довольно странное желание для такого совершенного существа, – заметил он.

Незнакомка окинула его быстрым взглядом:

– Вы считаете, что у меня все в порядке? – спросила она.

Роджер смутился.

– Я...

– Некоторые недавние события в моей жизни, – невозмутимо продолжила она, – были слишком печальными. Мне бы не хотелось, чтобы они наложили отпечаток на мою дальнейшую судьбу. Думается, что кардинальная стрижка – идеальное средство для обновления. Я уже чувствую, как мне становится легче дышать, и тяжесть больше не ложится на мои плечи. Как в прямом, кстати, так и в переносном смысле.

– Что бы вы там ни говорили, – вдруг заявил Роджер, – я просто не позволю вам это с собой сделать.

– О чем вы?..

– Идемте!

Роджер вскочил на ноги и решительно потянул за руку девушку.

– Что вы себе позволяете?..

– Спасая ваши роскошные волосы. Идемте! Потом сами же будете говорить мне спасибо. Ни одна жизненная трагедия, черт побери, не стоит потери таких прекрасных волос!

– Сэр, ваша очередь, – донесся до Роджера голос администратора салона.

Но они с Перл были уже в дверях...

Строго распланированный день обернулся неожиданным, спонтанным свиданием.

Спасение волос нужно было отметить. Роджер и Перл заехали на его машине в маленький бар, известный не всем, будучи скорее местечком «для избранных».

Было выпито немало пина колада, дайкири и мохито. Роджер настаивал на шампанском, Перл отказывалась – у нее от шампанского изжога. Сам Роджер пил виски семилетней выдержки, степенно, не торопясь, небольшими порциями. А Перл, казалось, вовсе не хмелела от мохито. В отличие от многочисленных подружек Роджера, она не становилась развязной, болтливой, противной. Уместные шутки, немного сдержанные фразы, быстрые, но лаконичные ответы на вопросы Роджера... Ему все больше нравилась эта девушка, непонятная, но такая притягательная...

И она не вешалась ему на шею, отнюдь. Конечно же, она не могла не видеть всех тех атрибутов богатства Роджера, на которые так падки назойливые охотницы за мужчинами, вернее, за их кошельками.

Все она воспринимала спокойно, сдержанно, с чувством собственного достоинства, без жадности и наглости. Автомобиль Веселого Роджера, его дорогие часы, сшитый на заказ костюм, золотые запонки... Для любой другой девицы все эти необязательные, но такие приятные, такие желанные мелочи стали бы сигналом к немедленному действию: вперед!.. Покорить, завоевать, зацепить!.. Но Перл не выказывала ни явной заинтересованности, ни откровенного равнодушия. Коктейли она пила без жадности и не требовала новые. Наоборот, стараясь разговаривать с Роджером, Роджер сам предлагал очередной коктейль, поинтереснее, понеобычнее.

А потом... Потом Роджер понял, что аппетит его разыгрался не на шутку. Он предложил Перл поужинать вместе. После недолгого колебания она согласилась. И Роджер повез ее в такое место, куда привозил далеко не всех. Чаще всего этот ресторанчик использовался им для переговоров с деловыми партнерами, причем Роджер предпочитал приглашать туда партнеров с женами или любовницами. Попадая в этот маленький оазис, в этот кулинарный рай с необыкновенно уютным интерьером, почти все размякали, расслаблялись, тут-то Роджер и ловил их, и добивался заключения сделок на наиболее выгодных для себя условиях.

Но на этот раз его свидание было отнюдь не деловым. Роджер потребовал у администратора один из тех столиков, что располагаются в отдельных нишах, скрываемые от любопытных глаз бархатными шторами. Было бы глупо устраивать торжественный ужин с партнерами по бизнесу в такой вот интимной обстановке, ну, а для трапезы с Перл это было в самый раз.

Все-таки шампанское, устрицы, крем-брюле, нежнейшие медальоны из телятины, икра, крем-суп, фрукты... Роджер наслаждался каждым кусочком пищи, каждым словом, вполголоса произнесенным Перл. Он дивился – с этой женщиной жизнь словно становилась более яркой, более насыщенной. Может быть, наконец, нашлась та, кто сможет сделать его существование более осмысленным, придаст жизни остроту и вкус?

...В конце ужина Перл сделала робкую попытку расплатиться за себя самостоятельно, чем вызвала у Роджера умиление. И от этого он тоже давно отвык. Разумеется, счет на астрономическую сумму он оплатил одной из своих платиновых кредиток... Но приятный «осадок», как говорится, остался.

– Перл, вы меня удивляете. Разве может уважающий себя мужчина позволить даме платить за себя? Да еще за ужин, на который даму пригласил не кто иной, как этот самый мужчина?

– Роджер, мы еще так мало знакомы.

– Да вы никак смущаетесь?

– Думаю, что это вам просто показалось.

– Что ж, – хмыкнул Роджер, – как скажете... Может быть, еще десерт?

Перл неожиданно согласилась.

– Не могу припомнить, где я в последний раз ела столь же восхитительное крем-брюле.

– Разумеется. Наслаждайтесь. – Роджер сделал еще заказ.

Глядя, как Перл осторожно ломает карамельную корочку десерта серебряной ложечкой, он поинтересовался:

– Перл, а в каких местах вы любите бывать?

– Я? Что ж... Я не так часто где-то бываю. Иногда лакомлюсь десертами в «Старбакс»...

– «Старбакс»? – фыркнул Роджер.

– Да, а что? – Перл оторвалась от десерта, который на глазах таял, и удивленно взглянула на своего собеседника.

Роджер смутился.

– Просто... Но это же какая-то забегаловка!

– «Старбакс»?

– Да. Вы так не находите? Разве их кофе можно пить без содрогания? Что, Перл, разве местный кофе вам не понравился?

– Понравился, даже очень. Но каждый может позволить себе лишь то, что ему диктуют его финансы.

– И что же вам диктуют ваши финансы, Перл?

Роджер подумал, что, наверное, для таких личных вопросов они еще недостаточно хорошо знакомы. Так ли уж он корректен? Впрочем, он же не спросил напрямую о размерах жалованья Перл. Да и она вроде бы не обижается. Так что, наверное, пока все в порядке...

Перл мягко улыбнулась.

– Иногда, по воскресеньям, я хожу в кино. На самый ранний сеанс. Люблю, когда зал полупустой, когда не хрустят навязчиво попкорном над ухом... Зрители не переговариваются, и звонки их мобильных не отвлекают неожиданно.

Роджер хмыкнул...

– Еще люблю посидеть в какой-нибудь кофейне над большим стаканом латте и новой увлекательной книжкой.

– В одиночестве?..

– Да, одна.

– Кажется, вы не очень-то компанейская девушка, Перл.

Она засмеялась:

– Знаете, Роджер, я достаточно развлекалась и тусовалась на первых курсах университета. Все эти студенческие вечеринки, попойки... Надоело. Или, наверное, просто пресытилась...

– А, может, все дело в том, Перл, что у вас просто никогда не было достаточного финансового обеспечения этих мероприятий?

Она задумчиво посмотрела на него:

– Что вы имеете в виду?

– Ну, что такого особенно интересного могут предложить студенческие вечеринки? Пиво, потные однокурсники, скромная закуска, или, не дай бог, кокаиновые дорожки, купленные на родительские субсидии, выделенные для приобретения учебников, оплаты семестра и так далее...

– Вы видите все в каком-то черном цвете, – засмеялась Перл.

– Отнюдь. Вам надоели скучные однообразные посиделки, Перл, но отдохали ли вы когда-нибудь по-настоящему? Лучшие клубы на всю ночь, действительно хорошие рестораны, отдельные столики в кинотеатрах, закрытые бильярдные, знаменитые театральные постановки, презентации и фуршеты, аквапарки, катание на водных или горных лыжах, катера, яхты...

Разве может наскутить тщательно организованный, умело спланированный и прекрасно подготовленный отдых?

– Не знаю, что вам ответить, Роджер, – Перл облизнула ложечку и положила ее на край вазочки, – у меня практически никогда не было возможности обеспечивать себе такой уровень жизни. Или хотя бы отдыха.

– Видите, Перл, я понимаю, почему сейчас вы бежите от компании своих сверстников, от приевшихся посиделок, но что вам мешает попробовать окунуться в новую, незнакомую вам удивительную жизнь?

Перл подняла на Роджера свои глубокие глаза, опущенные длинными темными ресницами, одарила свойственным только ей особым гипнотическим взглядом, и Роджеру на какое-то мгновение показалось, что его заливают волна расплавленного шоколада... окутывает и манит в сладкую, пьянящую бездну.

* * *

С некоторым усилием Роджер потряс головой в попытке прогнать от себя непрошенные воспоминания.

Он огляделся по сторонам. Ничего не изменилось, все было так же, как и полчаса назад. По веранде, залитой солнцем, сновали немногочисленные официанты, перед Роджером стоял зеленый чай, а в отдалении от Роджера сидела за столиком Перл, все такая же пленительная, одинокая и задумчивая.

И тут Роджера затопила волна злости.

Он даже не ожидал сам от себя, что после стольких дней, прошедших со времени их расставания, после стольких новых событий он все еще окажется способен так сильно злиться на Перл Пэрриш.

Неужели, сидя здесь над зеленым чаем, он все это время накручивал себя?

Если она заметила его... Нет, кажется, до сих пор не заметила.

Если она подойдет к нему...

Вряд ли он сможет как ни в чем не бывало, спокойно поздороваться с ней, поговорить о ничего не значащих пустяках.

Он до сих пор не может спокойно смотреть на нее, говорить с ней, думать о ней.

Наверняка он сорвется на крик. Будет конфликт, скандал, безобразная сцена, после чего путь Роджеру в «Поцелуй» наверняка будет заказан. Тут не приветствуются подобные выяснения отношений.

Но, в конце концов, ему ведь ничего от нее не надо? И вообще, он давно уже поел, ему нужно спешить в офис. Надо встать, расплатившись, выйти по возможности незаметно...

Роджер еще раз окинул взглядом веранду, оценил рекогносцировку. Какая жалость – похоже, незамеченным уйти не получится.

Черт, черт, черт. В самом деле, что он, как мальчишка? Чего ему бояться? Пусть даже Перл и увидит его...

Как ни уговаривал себя Роджер, как ни убеждал себя мысленно в том, что вся эта ситуация ничего для него не значит, яйца выеденного не стоит, в глубине души он точно знал: меньше всего на свете он хочет, чтобы Перл увидела его здесь и сейчас.

Черт, неужели никто не может ее отвлечь хотя бы на минутку, с досадой подумал он. Пусть к ней подойдет официант с каким-нибудь вопросом, пусть ей позвонит знакомая, и Перл отвлечется на телефонный разговор...

Внизу, у подножия веранды, возле лестницы, послышался тихий свист.

Роджер бросил туда быстрый взгляд.

Какой-то смуглый парень в потрепанной одежде подпирал балюстраду, негромко насвистывая популярную французскую песенку.

Почувствовав на себе чужой взгляд, парень обернулся и уставился на Роджера.

«Ну, и что ты с такой наглостью смотришь на меня, оборванец? Небось, хочешь есть? Наверняка хочешь. Но денег нет. Да, конечно, денег нет. Если в разгар рабочего полдня отираться возле шикарных кабаков, деньги вряд ли когда-нибудь появятся».

Роджеру показалось, что парень смотрит на него с вопросительным выражением лица. Впрочем, нет, конечно же, нет... Наверняка он просто голоден. Возможно, даже надеется на подачку? Еще чего не хватало, мысленно возмущился Роджер Мерри, состоятельный бизнесмен. Парень молодой, здоровый – вот и нечего давить на жалость, небось не больной, не калека. Просто лентяй и бродяга!

А что, если...

И Роджер, подивившись внезапно промелькнувшей в голове мысли, рассмеялся сам над собой. Да ладно, абсурд!

Зато, кажется, он нашел прекрасный выход из сложившейся ситуации.

Что, если дать этому парню денег? Он поднимется на веранду, заговорит с Перл, отвлечет на себя ее внимание, а Роджер тем временем сможет незаметно исчезнуть.

Пока Роджер вынашивал свои коварные планы, Перл тем временем грациозно поднялась с плетеного стула и исчезла во внутреннем помещении ресторана.

«В туалет! – понял Роджер. – Надо же, какая удача!»

Он махнул рукой официанту, который мухой подлетел к нему со счетом, вытащил из бумажника несколько купюр, не поскупившись на чаевые, прошествовал к выходу с веранды – и был таков.

До машины Роджера было рукой подать.

Но ноги почему-то сами, против его воли, принесли его к балюстраде, где по-прежнему ошивался парень с голодными глазами.

Секунду Роджер еще раздумывал, а потом негромко произнес:

– Слушай... Ты денег хочешь?

Парень мгновенно повернулся к Роджеру лицом, и в первое мгновение Роджеру показалось, что тот сейчас открыто рассмеется.

Так и есть, блеснули в улыбке неожиданно белые зубы оборванца, но, вместо того, чтобы отбрызнуть Роджера, парень уточнил:

– А в чем, собственно говоря, дело?

Роджер приподнялся на цыпочки и взглянул на дальний край веранды.

Перл уже сидела за своим столиком, невозмутимая и прекрасная.

«Что я делаю, в конце концов? Я ведь уже умудрился незаметно исчезнуть оттуда... – Ты не понимаешь, мне в голову пришла отменная затея!»

Диалог в голове Роджера прекратился. Он сурово взглянул на своего собеседника:

– Посмотри туда, на веранду...

– Смотрю, – усмехнулся парень, – и что?

– Видишь девушку?

– Какую?

– Вон та, с черными волосами. Красивая.

– Да, вижу.

– Иди и поговори с ней!

– Ты что, ненормальный?

– Как раз наоборот. Я более чем нормален.

– Да уж, я вижу, – парень покачал головой.

– Тебе что, деньги не нужны?

- Нужны... А что?
- Я дам тебе доллар.

Роджер и сам понимал, что предлагать доллар за такого рода услуги – наглость, но его уже успело возмутить поведение юнца. Ему предлагают халявный заработок, а он умудряется крутить носом! Не-е-ет, пусть теперь помучается, попрыгает, слишком много Роджер не станет ему обещать!

Парень снова блеснул зубами, терпеливо улыбнувшись:

- Похоже, ты все-таки псих, – сообщил он.
  - Говорят тебе, иди и познакомься с ней. Задури ей голову... Сможешь? Я дам тебе доллар.
  - Этого мало, – возмутился парень и засмеялся.
  - Ну, – хмыкнул Роджер, – это задаток, черт побери... Я хочу увидеть хорошую работу.
  - Парень, да зачем тебе это надо?
  - Хочу подшутить над ней, – признался в порыве странного трезвого откровения Роджер. – Видишь ли, это моя бывшая... Слишком много хорошего о себе думает. Воображает. Хотелось бы проучить ее. Ничего серьезного – так, слегка...
  - И для этих благородных целей тебе понадобился я?
  - О, да не будь ты таким сентиментальным. Тебе нужны деньги? Хочется есть?
  - Да кому же в этом мире не хочется есть? – удивился парень.
  - Вот и действуй, – подытожил Роджер.
  - Доллар?
  - Доллар. Это задаток, – спохватился Роджер.
  - И что же конкретно я должен делать?
  - Пофлиртуй с ней. Заинтересуй ее своей персоной.
  - Думаешь, она клонет на меня?
  - На такого, как ты? А вот это мы заодно и проверим. Если деньги для нее не так важны, как она всех уверяет... Да и ты вроде не страшный.
  - Что ж, спасибо за комплимент, – расхохотался парень.
  - Эй, не увлекайся слишком. Дело еще не сделано. Как, кстати, тебя зовут?
  - Меня зовут Джонатан, приятель. А тебя?
  - А меня, *приятель*, – Роджер специально выделил это слово голосом, – зовут Роджер Мерри.
  - Роджер? – теперь Джонатан выглядел удивленным. – Веселый Роджер?
- Черт.
- Роджер нахмурился.
- Откуда этот оборванец знает его имя?
- Откуда ты меня знаешь?
  - Ну, – хмыкнул парень, – я читаю газеты... Когда те попадают... На скамейках в парке.
- Ты – бизнесмен, не так ли?
- Именно так, – кивнул Роджер. – Надо же, какие продвинутые у нас попадают бродяги.
  - Бродяги? – Джонатан весело прищурился.
  - Угу, а что, не так?
  - Так, – согласился Джонатан, – ну, я пошел? Пока девушка никуда не свинтила?
  - Давай. Валяй. Играй получше. Изобрази что-нибудь... Романтику. Они на это клюют.
  - Ладно, постараюсь.
  - И, парень...
  - Я Джонатан. Джонатан Сильвер.
  - Хорошо, пусть будет Джонатан. Как мне тебя отыскать? Мобильный есть?
  - Мобильный?

- Ах, да... Что с тебя взять... Однако как мне передать тебе деньги?
- Ну, вначале ты ведь хотел убедиться, что работа выполнена, и выполнена хорошо?
- Да. Разумеется.
- Может, – предложил Джонатан, – встретимся здесь через несколько дней?
- Зачем через несколько? Давай завтра! Ближе к вечеру. Я буду проезжать мимо и заодно высматривать тебя. Тогда и расквитаемся. Идет?
- Идет.

Уже сидя в машине, Роджер удивлялся событиям последнего часа.

Надо же, как все забавно вышло!

Некоторое время он стоял внизу у балюстрады, наблюдая за тем, как происходит знакомство Джонатана с Перл, и вообще за развитием событий.

Необыкновенно приятно Роджеру было наблюдать, как Перл, его умница, его недотрога Перл клюет на улыбки и обаяние случайного парня Джонатана. Джонатана, который вовсе в Перл не заинтересован.

Да, это забавная шутка.

Пожалуй, лучшая шутка последней недели.

Внезапно Роджер понял, что он вовсе не хочет прекращать эту шутку.

Интересно, что будет дальше? Что, если Джонатан понравится Перл?

Кажется, она вполне купилась на его актерскую игру, если судить по тому, что успел увидеть Роджер.

И тут мобильный Роджера зазвонил.

Это была ассистент Роджера, Барбара, его офисная правая рука. Иногда, впрочем, и левая тоже.

Барбара интересовалась, когда мистер Мерри появится в офисе. На сегодняшний день у него ведь запланировано столько встреч. Какие будут распоряжения?

Роджер дал Барбаре подробные указания, сообщил, что будет в офисе буквально через полчаса, а потом, не вылезая из машины, сделал еще несколько деловых звонков.

И тут из окна своего «Мерседеса» Роджер увидел нечто такое, отчего у него упала нижняя челюсть.

Перл, галантно поддерживаемая под ручку Джонатаном, которого она знала каких-то сорок минут, спустилась по лестнице с веранды, прошествовала к своей фиолетовой машинке, уселась за руль. А на соседнее сиденье рядом с ней сел Джонатан.

И они уехали.

Вот это да!

Что вообще происходит?..

Не иначе, парень – гений. По нему должны рыдать все мало-мальски крупные и известные театральные студии Америки!

Роджеру даже не пришлось доплачивать Джонатану, а Перл уже купилась на его актерскую игру. Интересно, на что он ее развел? Выпить кофе у нее дома? Сходить в кино посреди рабочего дня? На что, на что?.. И вообще, чем может завершиться это знакомство?

Если они окажутся у Перл дома, если Джонатан сумеет затащить ее в постель, тогда Роджер может с полным правом упиваться своим триумфом. Это будет вершина его победы. Ведь наутро наивная Перл обнаружит или поймет, что ловить счастья с новым знакомым бесполезно...

Скорее бы завтрашняя встреча с Джонатаном!

Роджер не сомневался, что эта встреча сможет многое для него прояснить.

И, да, он готов приплатить этому парню за удовольствие услышать о разочаровании Перл, о крушении ее надежд.

Наверное, самом большом разочаровании Перл, не считая его самого, Роджера.

2

Перл

Любимый капучино в любимой кофейне, сотни раз проверенной и давным-давно облюбованной Перл Пэрриш, сегодня почему-то горчил.

Перл насыпала туда еще пару ложек коричневого сахара. Но странная горечь никуда не делась. Наоборот, она словно усилилась...

Да что это за день такой сегодня выдался?..

Впрочем, еще ведь пока не день. Еще ведь только утро, а, значит, остаток дня еще имеет все шансы сложиться более удачно, чем это паршивое начало дня.

Нет, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Никаких досадных происшествий или трагических случайностей не произошло.

Однако откуда это странное, мутное и вязкое ощущение беспокойства, портящее настроение и заставляющее хмуриться безо всякого на то повода?

Перл вздохнула.

– Принести вам еще что-нибудь?

Она подняла глаза на склонившегося над ней официанта.

– Пока нет, спасибо, – вежливо ответила она.

Перл и этот-то несчастный капучино никак не могла домучить.

У нее мелькнула мысль, что неплохо было бы сообщить официанту – мол, ваш кофе горчит, может, что-то стряслось с кофе-машиной? Пусть бесплатно заменят ей напиток.

Покачивая головой, Перл отмахнулась от этой мысли, как от назойливого насекомого. У нее были сильные подозрения в том, что горечь капучино напрямую связана с ее внутренним состоянием.

Внезапно она встревожилась – что, если она заболела?

Перл читала в одном из женских журналов о том, что предвестником некоторых заболеваний является горький привкус во рту.

Впрочем, какая чепуха... Она абсолютно здорова.

И счастлива.

И у нее нет ни одного повода для того, чтобы не радоваться жизни, не получать от нее удовольствие, не наслаждаться ею.

Жизнь, как в последнее время справедливо считала Перл, нужно пробовать на вкус, изучать, смаковать. Нужно наслаждаться каждым ее глоточком. Кто знает, сколько отпущено каждому живущему на земле? А, значит, и отпущенным ей временем нужно суметь воспользоваться в полной мере.

Собственно говоря, такому отношению к жизни Перл Пэрриш научил не кто иной, как Роджер Мерри.

Веселый Роджер.

Странно, с чего это вдруг Перл о нем вспомнилось... Столько времени прошло с того момента, как они последний раз виделись – на церемонии открытия нового детского реабилитационного центра, использующего как новые прогрессивные методики, так и иппотерапию, общение ребятишек с дельфинами в бассейне под руководством специально обученного инструктора...

И уж, естественно, гораздо больше времени прошло с того момента, как Роджер официально услышал от Перл о полном и окончательном разрыве, о необратимом прекращении их отношений.

Делать это было, конечно, неприятно, но деваться было некуда.

Перл больше не могла продолжать поддерживать тот образ жизни, который они совместно владели с Роджером.

Она посчитала так: мы дали друг другу все, что могли, и это было хорошо, но, видимо, настало время двигаться дальше.

И, собственно, разве он, Роджер, несколько не виноват в произошедшем?

Неужели он даже не понимает, что в этом его вина?

Да, она благодарна Роджеру за то, что он для нее делал, но ведь одной благодарности мало, чтобы сохранить пошатнувшиеся отношения.

Перл все-таки заказала официанту новый напиток. На этот раз ее выбор пал на латте с орехами и карамельным сиропом. Она надеялась хоть как-то истребить непонятный горьковатый привкус, осевший на небе.

Между тем жара нарастала. Перл подумала – а не перейти ли ей в помещение? Впрочем, здесь можно надеяться хоть на какое-то дуновение ветерка, а внутри что? Надеяться придется разве что на вентиляторы и кондиционеры, но они сушат кожу. Хотя последнее, о чем Перл стоило бы волноваться, было состояние ее кожи, все-таки девушка решила остаться на веранде.

Именно это и спасло Роджера от обнаружения в «Поцелуе»...

Официант принес Перл латте с пышной шапкой взбитых сливок, украшенных дробленым орехом, но она уже настолько углубилась в свои воспоминания, что даже не обратила внимания на сладкое кофейно-молочное спасение.

Перл казалось, что она познакомилась с Роджером именно в тот момент, когда была на своего рода перепутье.

Был окончен университет по специальности «история искусств», за плечами имелось несколько лет учебы, в активе Перл были шумные студенческие вечеринки в кампусах, свидания с незрелыми однокурсниками, несколько месяцев практики в художественной галерее, куда ей лишь чудом удалось пробиться на стажировку.

А дальше?

Дальше, собственно говоря, был чистый лист.

В голове Перл не было никаких вариантов дальнейшего времяпрепровождения, скольконибудь осмысленного и продуктивного.

Она более-менее прилежно училась, посещала лекции и семинары, ходила по современным выставкам, но никогда не представляла себе – а каким оно будет, ее будущее?

Учиться, получать диплом – все это, конечно, было прекрасно. Но вот праздник отгремел, сорваны с головы заветные квадратные шапочки, выпито шампанское, выпускники клянутся друг другу в вечной любви и дружбе... Утром ты просыпаешься, вроде как находясь на пороге новой жизни, а что же ждет тебя там?

Перл никто не ждал. И дома ее никто не ждал. Собственно говоря, своего дома у нее и не было, как такового. Последнее воспоминание Перл о своей семье, о родителях, о братишке относилось к тому дню, когда ей исполнилось пятнадцать лет.

День, который она запомнила навсегда...

День, который она так сильно старалась вычеркнуть, вытеснить из своей жизни. Иногда Перл даже казалось, что ей это удалось.

День, когда, спеша на празднование ее рождения, отец так сильно гнал машину из аэропорта, где встречал маму с братишкой, что не справился с управлением.

День, в который Перл одним махом потеряла всю свою семью, осталась на этом свете одна-одинешенька.

Господи, да она ненавидела этот день...

И всячески избегала расспросов в университете – почему, мол, они никогда не отмечают дня ее рождения?

Она отдала бы все, что угодно, лишь бы навсегда забыть об этом.

Она отдала бы все, что угодно, лишь бы это помогло вернуть их.

Даже свою жизнь, честное слово.

Господи, ну неужели действительно было необходимо так торопиться на ее праздник?

Десять или пятнадцать минут опоздания ничего не решали, ничего не испортили бы...

Поскольку Перл все равно никого не могла вернуть, всеми силами она пыталась хотя бы забыть об этом.

Она потихоньку отгородилась от школьных друзей, потеряла ожидаемый титул королевы школьного выпускного бала. Постепенно забылась причина, по которой Перл вдруг стала нелюдимиой, но следствие-то не забылось – наверное, она просто асоциальна, думали одноклассники...

В университете Перл, конечно, стало полегче и попроще. Свою личную историю можно было начинать с нуля, представляться, какой хочешь, изображать то, что нравится.

Поначалу это даже вдохновило Перл, вселило в нее энтузиазм.

Постепенно она обросла новыми связями, дружками и приятельницами. Но вот в душу по-прежнему не получалось никого впускать.

«А что, если и их я тоже потеряю?» – думала невольно Перл, умом, конечно, понимая, что она зря себя накручивает, вот только что она могла поделаться с собой?

Лучше уж ни к кому не привязываться. Да, однозначно. Кажется, это лучший выход.

Ведь каждый из них может уйти в любой, даже самый неподходящий момент, исчезнуть, когда ему только заблагорассудится, выйти из игры, и даже не попрощаться при этом.

В поверхностных, быстрых и беззаботных отношениях Перл с однокурсниками не было ничего опасного, за исключением скользких моментов – празднований дней рождений.

Изо всех сил она старалась, чтобы ее лицо не принимало несчастного выражения при упоминании совместных празднеств.

Ну и определенного труда стоило регулярно отбиваться от допросов с пристрастием, от драгоценных однокурсничков, пристающих с расспросами о том, когда же она пригласит их на вечеринку года, когда же они отметят и ее, Перл, праздник.

Если не считать этого, то все было хорошо.

Лекции, сессии, семинары, треп с подружками по общежитию, милые маленькие девичьи секреты... Настоящей дружбы у Перл не вышло ни с кем. Но иначе и получиться не могло – она никого не подпускала к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки и еще кончиков пальцев.

На последних курсах университета Перл вдруг перестало хватать ее стипендии, пусть даже повышенной за хорошую успеваемость. Она устроилась вечерней официанткой в закусочную средних размеров и средней руки, посещаемую преимущественно средним классом американцев. Хватило Перл ненадолго. Девушка решила, что лучше уж она оптимизирует свои расходы, но не будет тратить три или четыре вечера в неделю на беготню с подносом в шумном галдящем зале, разнося сэндвичи с кетчупом и нарезанную ломтиками жареную картошку с бутылочками кока-колы для изголодавшихся клерков и их подружек...

А потом университет как-то неожиданно закончился.

У Перл были диплом, молодость, красота и полное отсутствие понимания того, что делать со всем этим.

Что делать с самой собой.

Что ей делать дальше...

У нее не было доверительных бесед с родными, чему она хочет посвятить свою жизнь.

У дружков и подруг по кампусу были темы для разговоров покруче и поинтересней – кто с кем, где, сколько раз, ну а потом – кто залетел, кто решился на аборт, кто поженится... Что носить, где выпивать, где лучше провести лето.

Были какие-то тесты по профориентации. Лично для себя Перл не выявила никаких особых склонностей, набрав примерно поровну баллов во всех предполагаемых сферах деятельности.

На этом подготовка Перл к взрослой жизни и закончилась.

Наверное, слишком много душевных сил уходило у Перл на то, чтобы не помнить.

Чтобы в своей голове не возвращаться бесконечно к главной потере в ее жизни. Чтобы не искать выходы из ситуации, которая однажды уже свершилась, и которую нельзя было изменить, даже пройдя через все круги ада.

Эта ситуация сама была адом.

Но Перл даже не осознавала, не отдавала себе отчета в том, сколько жизненных сил уходит у нее на практику «не-воспоминания». Она просто загоняла свою боль так глубоко внутрь, что при желании уже и сама не смогла бы дотянуться. Не смогла бы в полной мере ощутить, что же она чувствует на самом деле. Не смогла бы высказать хоть кому-нибудь все то, что накопилось у нее в душе, весь этот тяжкий груз, что волочился за ней долгие годы.

Никто не был виноват в том, что в последний уик-энд того августа «фольксваген пассат», принадлежавший ее отцу, перевернулся несколько раз и стал последним прибежищем ее семьи, ее обожаемой, горячо любимой семьи.

Перл даже не отдавала себе отчета в том, что подсознательно решила для себя – жизнь на самом деле кончена.

Если бы ей об этом вдруг кто-нибудь сказал, Перл сильно удивилась бы. Но в действительности дела обстояли именно так.

По крайней мере, Перл вела отнюдь не такую жизнь, какую полагалось бы вести девушке ее возраста, ее возможностей, обладающей ее внешними данными, энергией юности и впечатляющим потенциалом.

По большому счету, это жила и существовала не сама Перл – подобный образ жизни скорее подошел бы ее тени. Но сознавал ли это хоть кто-нибудь, имеющий возможность общаться с нею и наблюдать за ней? А Перл даже и не помышляла задуматься о чем-то таком, о своем существовании, о грядущем будущем.

Что же было дальше?

Дальше был месяц почти зряшных размышлений, пассивного отдыха, перебирания вариантов.

Перл все-таки скопила кое-какую сумму. Эта сумма, за которую впоследствии она не раз благодарила небеса, позволила ей просуществовать какое-то время не сказать чтоб безбедно, но на омлет с апельсиновым соком к завтраку хватало.

Омлет меланхолично поедался в затрапезной двухкомнатной квартирке, которую Перл сняла на несколько месяцев, внося хозяину задаток из остатка денег. Квартирка располагалась неподалеку от центра, и, на удивление, во дворе дома даже наличествовала кое-какая зелень.

Поскольку Перл все равно особо делать было нечего, она постепенно превратила квартиру в маленькое и уютное прибежище одинокой девушки. Она не задумывалась о том, что жилье это всего лишь временное, съемное, и однажды настанет время паковать чемоданы и съезжать, двигаясь дальше по жизни. Нет, она просто вложила в эту пару комнаток с прямоугольной кухней и крошечной ванной всю душу.

Для начала она отмыла полы, отчистила имеющуюся мебель – диван, стулья с мягкими спинками, стеллаж. Отмыла даже полки, на которых за стеклом должны были бы стоять безделушки, а вместо них лежали пачки журналов типа «Пентхаус». Немного поразмыслив, Перл упаковала журналы в большие картонные коробки, аккуратно заклеила скотчем и поставила в пустующую нишу, которую тоже как следует вымыла. Некоторые из вещей хозяина тоже были бережно, но решительно убраны в эту самую нишу.

Дальше Перл покрасила ванную, сменила сиденье с крышкой на унитаз, купила роскошную клеенчатую занавеску для душа и почувствовала себя почти как дома, без боязни ступить своими маленькими белыми ножками с безупречным педикюром на какую-нибудь пыль, грязь, плесень и тому подобное безобразие.

Дальше была вечная «Икея» – а куда от нее деваться? По крайней мере, девушке, у которой отсутствовал регулярный ежемесячный доход, превышающий заветную тысячу долларов.

Все же Перл удалось совместить разумность в своих тратах со вкусом и не изменяющим ей чувством стиля. Глубокие и мелкие кремовые тарелки (она, конечно, не рассчитывала принимать гостей, но не могла же Перл ограничиться двумя тарелками – для себя одной), набор расписанных красными тюльпанами голландских кружек, увесистых, основательных, почти квадратных, стройными рядами уместились на простенькой жестяной сушилке в кухне.

Самый простой, но не самый дешевый шерстяной плед в крупную красно-белую клетку застелил тахту в гостиной. Перл протерла от пыли небольшой телевизор «Сони» и приставку для дисков, сложила рядом стопочкой несколько драм и приключенческих комедий, и почувствовала себя совсем хорошо.

Когда она огляделась вокруг и поняла, что, кроме огромного платяного шкафа, ей больше не о чем мечтать (во всяком случае, не в этой квартире), Перл стала выходить из дому и проводить время в интернет-кафе. Хозяин не озаботился тем, чтобы дома появился интернет, предоставляя заниматься этим важным делом своим жильцам, но Перл и так уже порядком потратилась. К тому же начинать пришлось бы с покупки компьютера... Перл решила, что она прекрасно отдохнет от компьютеров, с которыми плотно общалась на протяжении всей учебы в университете.

Посидев немного в различных интернет-кафе, выпив при этом немало кофе, посетив несколько утомительных собеседований в однотипных конторах, Перл наконец вышла на работу администратором в косметическом центре.

Это был узкопрофильный центр, не поражающий широтой спектра предоставляемых услуг. Маникюр, педикюр, эпиляция разных видов, диагностика и лечение кожи. Ну, и так далее. А обязанности Перл были крайне просты – следить за расписанием врачей, вписывать в таблицы посещений новые визиты пациентов, подсчитывать сумму, которую пациент должен заплатить по результатам посещения центра. Ничего нового день за днем, одни и те же нехитрые операции. Звонки, ответы на вопросы, предоставление сведений о ценах по прайсу, короткие контакты с врачами, косметологами и маникюристками. Лица клиентов, конечно, различались, но под конец смены сливались для Перл в одно абстрактное лицо.

Поскольку косметический центр работал с одиннадцати утра до девяти вечера (Что? Обед, вы говорите? Нет, подождать придется до вечера...), то администраторы заступали на смену по очереди, сменяясь через день.

Своим спокойствием, своей невозмутимостью Перл довольно быстро расположила к себе начальство косметического центра. К ее работе не придирались понапрасну, а ее голос, словно убаюкивающий, обволакивал и умирал недовольных клиентов. Выглядела Перл всегда аккуратно и ухоженно, поэтому для салона она была своего рода «визитной карточкой» – кто же мог подумать, что она никогда не прибегала к услугам своих коллег, маникюристок и косметологов?.. Как бы то ни было, она была еще и отличной рекламой салону.

И никто даже и не догадывался о том, что невозмутимость и выдержанность Перл на самом деле являются следствием ее внутреннего состояния, что ее мягкость и уравновешенность скорее говорят об отсутствии жизни, отсутствии подлинных желаний и ярких страстей в опустошенной душе.

Такой ее однажды и увидел Роджер в холле парикмахерской.

Перл получила премию, посидела вечером в баре над коктейлем дайкири, отоспалась и на следующий день – а у нее был выходной – от нечего делать отправилась стричься.

Собственно говоря, она всего лишь собиралась подровнять концы волос. Возможно, сделать маску, ну, и что там еще посоветовал бы ей ее мастер?

Перл стриглась у этого мастера вот уже несколько лет и не хотела искать никого другого. Поэтому когда мастер перешел на работу в другой, гораздо более дорогой салон, она всего лишь стала стричься реже, но своим привычкам и склонностям изменять не желала.

Когда к ней стал вдруг клеиться прямо в очереди незнакомый мужчина (впрочем, достаточно представительный и импозантный!), Перл наговорила ему какой-то чепухи, наплела ерунды, наболтала пригоршню всяких пустяков. Но, пока говорила, успела и сама поверить в свои слова. Разве не стоило ей начать жизнь с чистого листа, перевернуть все устои, дышать полной грудью? Недавних событий, которые грозили наложить отпечаток на всю ее жизнь, конечно, не было. Перл только потом догадалась, какое событие подразумевалось по умолчанию. Еще немного – и подошла бы ее очередь занять место в кресле парикмахера, и она велела бы Тони обрезать ее роскошные темные пряди так, чтобы они едва достигали подбородка, если не короче...

Но Роджер чуть ли не насильно вытащил ее из салона, повез ужинать, разговорил, растормошил.

Безразличие Перл он считал тонкой, не всем доступной иронией. Ее легкую отстраненность, отчуждение, окрашенное в недоступный чужому взгляду оттенок горечи, он принял за непоколебимую уверенность в себе. Роджера интриговали и манили женщины, которые всегда точно знают, чего хотят, и абсолютно не волнуются по поводу препятствий, которые могут возникнуть на их пути.

Роджер решил, что таких женщин он еще не встречал. Что это будет редкой глупостью – упустить шанс завязать отношения с ней, упустить Перл. Ему показалось, что в ней скрыта какая-то загадка, притягательная тайна, которую нужно хотя бы попытаться разгадать до конца... Где она черпает свою неповторимую иронию? Откуда берет эту непостижимую уверенность в себе? На что опирается в жизни? На чем зиждутся ее принципы, отношение к миру, взаимоотношения с людьми?

Знал бы Роджер, что «отношения с людьми» лежали вне сферы интересов Перл.

Она за пару лет так и не сблизилась ни с кем из коллег по работе. Ей была приятна Элисон, хорошенькая белокурая сменщица, также работавшая администратором в центре. Но именно потому, что Элисон была ее сменщицей, они почти не пересекались в приемной.

Иногда косметологи звали Перл выпить после работы. Она неизменно отказывалась. Не посещала корпоративные вечеринки. Она безукоризненно выполняла свои обязанности, а что касается остального, то она хотела лишь одного – чтобы ее не трогали, оставили в покое.

Нет, не так.

Просто чтобы не лезли к ней, не пытались заглянуть в душу, не расспрашивали о семье, о бойфрендах, о планах на будущее, о мечтах, о чувствах, эмоциях и переживаниях.

– Перл, если не секрет, а сколько вам лет? – спросил тогда Роджер в отдельной кабинке ресторана для избранных, пока девушка справлялась с карамельной корочкой крем-брюле. – Хотя, конечно, женщинам не принято задавать подобные вопросы, – подмигнул он, – но, может быть, вы сделаете исключение?

Перл, которая крайне редко вспоминала о своем возрасте, поступила так же, как и всегда: припомнила, который сейчас на дворе год, автоматически отняла от цифры год своего рождения и выдала:

– Двадцать четыре, Роджер.

При этом воспоминания о воздушных шариках, сливочных тортах, *любящих лицах родных и близких*, – словом, все те воспоминания, которые непременно сопровождают воспоминание о дате, о дне рождения, даже не всколыхнулись в ее мозгу, будучи накрепко запертыми в самом темном уголке памяти, вытесненными за пределы сознания.

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

Простой вопрос, простой ответ.

Только не будем говорить о днях рождениях, друзьях, семьях, планах на будущее, «а вы еще не думали о детях, Перл?» – о, этот излюбленный вопрос почти всех коллег на работе, каждой озабоченной клуши, заворачивающей пышные телеса в фирменный белый халатик с логотипом косметологического центра на воротнике...

К счастью, Роджер не стал допытываться ни о чем подобном. Разговор как-то сам собой зашел о его бизнесе, но и бизнеса они коснулись лишь вскользь. Беседа поплыла по руслу общечеловеческих проблем – политики, экономики, экологии...

Перл не слишком часто рассуждала на все эти темы. Но она не боялась попасть впро-сак или сесть в лужу со своими некомпетентными мнениями по тому или иному поводу. Тем более что Роджер то и дело пускался в пространные рассуждения, каждое из которых вполне могло составить приличную статью или развернутую новостную сводку... Перл оставалось лишь время от времени вставлять восхищенный комментарий, кивать головой, отпивая из высокого бокала шампанское, задавать уточняющие или наводящие на следующее пространное рассуждение вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.